

а жрать хочется! Хоть побираться иди! Или воровать! Только старшие мальчишки ему сразу сказали, что воровать надо уметь и этому делу надо сначала научиться. Учиться надо много лет, как в школе. И прибавляли, что только все равно «сядешь». А вот куда «сядешь», Колька пока что не понимал. И зачем учиться, если все равно «сидеть», или обученные «сидят» в других местах, или по-другому – это Колька тоже не понимал.

Зиму кое-как Колька перезимовал, а летом полегче стало. Перевезли ребят как бы на летний отдых в лагерь – не в пионерский, конечно, но тоже неплохо. Теперь каждый день – рыбалка, раки, грибы, ягоды. Раки ползали по дну двух ручьев, которые впадали в Керженец. Мальчишки по ночам с фонариком-жучком, который жужжал и работал без батареек (надо только нажимать на рукоятку), бродили по дну ручья босиком и светили, выскивая добычу. Изумленные раки растерянно останавливались, топорщили клешни, и вытаращенные глаза их горели из-под воды огоньками. Керженец буквально кишел рыбой, и надо было только не лениться. Каждый день мальчишки, отсидев два-три часа с удочками, пекли окуней, красноперок и небольших подъязков в золе или жарили на костре, насадив рыбу на пруты. Даже банка с крупной солью была у них припрятана для таких кулинарных занятий в дупле огромного дуба, нависшего над рекой.

Колька рыболовом был удачливым, он сам знал про то, а поэтому частенько один отправлялся на индивидуальную рыбную охоту: точка у него была своя секретная и уловистая. Пробираться к ней надо было через коряги и стволы старых сосен, упавшие и полузатопленные, – зато там, дальше по берегу, был небольшой голый язычок с золотым песочком, и течение Керженца шло тут в обратную сторону, образуя суводь, а это очень нравится рыбе.

Как-то раз, продравшись сквозь бурелом к своему заветному и уловистому месту, Коля встретил на нем незнакомца. Точнее, он узнал мужчину, который последние два дня жил с ними на базе. Но кто он такой, как его зовут и зачем приехал, было всем ребятам непонятно. Хотя и заведующий, и все воспитатели обращались с незнакомцем не только приветливо, но и предупредительно – это было неспроста.

Мужчина стоял с удочкой, с удочкой отличной: пластиковое удилище, специальная катушка. У Коли и у всех других пацанов удилища были из ивового или березового хлыста, поплавков – из пробки или пенопласта, а тут все по-взрослому. В ведерке, что стояло рядом с мужчиной, уже кто-то плескался.

– Привет, Николай, – обратился к мальчику незнакомец, – я вот сюда пришел, чтобы с тобой поболтать.

– Зачем? – спросил Колька неожиданно для себя, даже чуть-чуть струхнув, и встал на месте.

– Не волнуйся ты! Меня зовут Адам Маркович, фамилия моя Коган, и я хотел с тобой поближе познакомиться. Не против?

– А зачем? – еще раз спросил Колька, уже успокоившись. Дядька вроде был ничего. У Кольки даже мелькнула мысль... Но он ее не успел сформулировать в голове.

– Видишь ли, я живу тут у вас в лагере уже три дня, присматриваюсь. Про тебя я все почти узнал и про твою беду тоже. Знаю, как вы тут в детском доме неважно, мягко сказать, живете. Как ты смотришь, если я тебя усыновлю?

– Мы все здесь этого хотим. Только плохо у нас это получается. А почему я?

– Даже не знаю. Так сложилось, что про тебя мне близкие друзья рассказали, которые в вашей деревне жили в прошлом году на даче, когда эта твоя беда приключилась. Если хочешь, то я тебе про себя прямо сейчас немножко расскажу, а ты посоветуешься с воспитателем, с директором, с ребятами.

– Надо думать, – вполне серьезно ответил мальчик и стал снаряжать свою удочку.

Вообще дети очень быстро взрослеют, оказываясь в сложных жизненных ситуациях. А так как положение Коли было, скорее, не ситуацией, а уже стабильным состоянием, то у него и реакция на окружающие события, и анализ существующих обстоятельств были сверх меры обострены и четко направлены на сохранение личных позиций. Дети, в детстве лишившиеся этой естественной, природой предназначенной стены за спиной, называемой родительской опекой, очень быстро вырабатывают в себе шестое чувство, сродни интуиции, которое помогает им определять «своих», то есть друзей, и отделять их от «чужих», к которым надо относиться с осторожностью. Незнакомец со смешным именем Адам Маркович был, судя по всему, «свой».

Погода была замечательная, время далеко за полдень, но солнце еще висело над лесом, комары и мошка куда-то пропали, только три слепня кружились вокруг, чего-то искали. Откуда-то подошла стайка небольших язей, и рыбаки натаскали их изрядно где-то за час.

– Куда нам столько? Мы и не зажарим столько. Куда их девать?

становилась кабинетом Адама Марковича, а столовая и гостиная переносились в кухню, которая при соответствующих перестановках стала очень даже уютной.

Ни при живых родителях, ни в детском доме Колька не был избалован изобилием предметов быта, личных вещей, продуктов и просто человеческого внимания, никогда у него никто не спрашивал: «А ты хочешь?»

Он внезапно попал в новый мир, в котором следует интересоваться чужим мнением, потому что многое зависит от поступков и планов окружающих тебя людей. Если раньше он, как дикий зверек, был инстинктивно внимателен и осторожен из-за страха столкнуться с каким-то незнакомым явлением, то теперь эта практически врожденная внимательность помогала ему очень быстро усваивать новые для него правила жизни и законы общения.

Для начала батька, Адам Маркович в смысле, познакомил Кольку со своими самыми близкими родственниками. Это были две его тетки, Дора Моисеевна и Софья Моисеевна, обе старые-престарые уродливые старухи. Они пришли в гости, посмотрели на Кольку как на что-то ненужное и уселись за стол, но от чая отказались сразу. Зато Адам Маркович зачем-то надел на себя парадный свой китель с орденами и медалями.

– Ты, Адамчик, что это – совсем из ума выжил? – спросила у батьки одна из них.

– Да нет – просто я решил, что кровь Коганов пора освежать, а то совсем закисло, – отвечал Адам Маркович.

– Ты, Коля, понимаешь на идиш? – спросила у Кольки другая старуха.

– Чего? – переспросил Колька.

– Да ничего, – ответила та.

– Выращу я вам всем на зависть хорошего сына Николая Адамовича Когана, – с пафосом произнес батька.

– Так у тебя же есть уже сын, – это снова проквала первая старуха.

– То – не сын мне, да и меня он не признает, да фамилия у него теперь Гринбергис. Ждет там у себя, наверное, в своей гнилой Прибалтике, чтобы я помер поскорее, чтобы в наследство вступить. Так я все Николаю и завещаю. Это вы все сосватали мне когда-то эту свою шлюху. Так, что ли, на идиш нашем называется гулящая женщина. Я после нее даже на красном солнышке не женюсь. На всю жизнь меня от баб отвадили.

Ничего не понял тогда Колька. Понял, что отругали старухи Адама Марковича за что-то для них

принципиальное, но такое, на что Адам Маркович только улыбнулся. Посидели старухи десять минут, еще раз от чаю отказались и ушли. Правда, предупредили, чтобы Адам Маркович не радовался и на чай они еще придут. Батька снял китель, почесал голову, на которой уже начала просвечивать плешина, и сказал:

– Знаешь что, Николай, давай в кафе пойдем и мороженого поедим от души.

На другой день приходили друзья, пара муж и жена, те самые, которые Кольку в деревне и приметили после беды и Адаму Марковичу про него поведали. Мальчик их узнал даже. Друзья с батькой выпили маленькую бутылочку коньяку, а уходя, потрепали Кольку по голове со словами: «Обживайся, старик! Еще увидимся!»

Потом батька выбрал день и провел для Кольки экскурсию по городу: сводил его в Кремль, провел по Откосу и прокатил на большом красивом катере по Волге. Катер они почему-то называли яхтой, а хозяин этой яхты, тоже батькин друг, так же потрепал Кольку по голове и сказал: «Обживайся, старик! Мы с тобой еще покатаемся!»

Остаток лета промелькнул в обустройстве жилья и подготовке к школе. Школа была совсем недалеко, в десяти минутах ходьбы, только через улицу перейти, и Колька сразу заявил, что сможет ходить в школу один, без провожатых. Когда, еще до начала занятий, в августе, батя привел Кольку в школу знакомиться с классом и с учительницей, которая с первого класса будет вести Кольку, то Татьяна Васильевна, так ее звали, заявила, что в школу в первый класс положено ходить с сопровождающим.

– Это с охраной, что ли? – спросил Колька.

– Если хотите, то да, с охраной, – ответила Татьяна Васильевна.

Она сразу же понравилась Кольке, он даже не мог объяснить себе, почему. На маму вроде бы училка была совсем не похожа: ни голосом, ни манерами, ни лицом, ни фигурой. Наоборот: она была низенькая, полненькая, с тонким, плачущим голоском и хромая, с палочкой ходила и по возрасту – пятьдесят.

Кольку Татьяна Васильевна с первых дней тоже заметила и тоже вроде как полюбила.

– Вы мой последний выпуск, – говорила она ребятам в коридоре после занятий, – вы моя лебединая песня. – А ты, мой гадкий утенок, должен вырасти в большого прекрасного лебедя, – шептала она на ухо Кольке, когда они оставались один на один, и теребила при этом ему волосы.

«Наверное, она так всем говорит!» – думал про себя Колька, но молчал.

А у Адама Марковича своего он спросил:

– А чего Татьяна Васильевна с палочкой ходит? Почему она хромает?

– Мне говорили, что давным-давно, еще в молодости, она ступню потеряла, у нее протез там специальный. Может, потому и замуж не вышла – таких, как Татьяна Васильевна, старыми девами зовут, она одна живет. Так что с палочкой она ходила и всю жизнь ходить будет.

– До самой смерти?

– Нет, так не говорят! Надо говорить – всю жизнь! Живет Татьяна Васильевна рядом с нами, в соседнем точечном доме, что напротив, прямо над стадионом. Потому с ней, если что, будешь ходить и в школу, и из школы.

Так и получилось: уже через месяц Колька чашенько возвращался домой с Татьяной Васильевной – батя, видимо, деликатно как-то ее о том попросил, а она не отказала. Заходил Колька теперь после школы в гости к своей училке, пил у нее чай с пряниками и зефиром, делал у нее уроки. Мог он иногда, портфель у нее запросто бросив, побежать играть с ребятами на стадион или во двор. Правда, раз, а то и два раза в месяц Адам Маркович передавал с Колькой для Татьяны Васильевны какой-нибудь небольшой презент: батон финского сервелата, пачку хорошего чая в железной коробке или баночку красной икры. Учительница не отказывалась, благодарила – время было непростое, голодное.

Видимо, последнее, до конца не израсходованное, школьное, учительское тепло Татьяны Васильевны целиком досталось Кольке. Ему же еще и все женское, домашнее или материнское внимание, тоже не израсходованное, но каким-то образом в училке сбереженное досталось. А оно-то и было нужно Кольке в это время, это материнское, которого он так и недобрал положенным и честным образом. Часто трепля рукой Кольке вихры на голове, училка шептала: «Сынок ты мой!», а он думал про себя «мама», но вслух проговорить стеснялся.

Моментально рассудочно оценить невозможно чуткость и заботу, которую тебе оказал человек; и только спустя годы, вспомнив имя или увидев старую фотографию, тебя может внезапно настигнуть волна тепла, и ты понимаешь, что был недостаточно внимателен к этому человеку, недостаточно отзывчив. Хотя оценивать размер благодарности за оказанное внимание дело и неблагодарное, и неблагодарное.

После выпуска своего последнего класса начальной школы, в котором отучился Колька, Татьяну

Васильевну провожали на пенсию. В школе событие отмечали торжественно: кроме будущих пятиклассек, пришли бывшие ученики Татьяны Васильевны прошлых лет, совсем уже взрослые. Цветы, цветы, цветы. На память она захотела сфотографироваться с Колькой и с каким-то совсем взрослым мужчиной лет сорока из ее первого выпуска.

Обняв своих любимчиков, она спросила у Кольки на ухо:

– Ну, ты придешь ко мне сегодня чай пить?

– Конечно, – прошептал Колька.

Летом батя повез Кольку в Питер: ходили под парусом в залив, смотрели фонтаны Петергофа, гуляли по набережным.

Вообще Адам Маркович очень большое внимание уделял просветительскому туризму, и как-то умудрялся он жизнь свою семейную в материальном плане построить так, что в тринадцать лет он повез Кольку в Грецию, а в пятнадцать – в Венецию. Но Колька, хоть и был мальчиком исполнительным, не собирался запоминать имена и фамилии венецианских дождей, и Зевса от Марса и от Юпитера он также отличить не мог. Мало того, все эти поездки он считал какой-то обязателькой и даже не считал нужным хвастаться ими в школе.

А Адам Маркович, как ни бился, ничем не мог его увлечь: ни спортом нормальным, настоящим, а не просто в футбол с пацанами, ни музыкой – предлагал гитару купить и учителя нанять, да и мастеришь что-то руками самостоятельно, чем особенно любят заниматься некоторые мальчишки в его возрасте, Кольку не тянуло. Было в этом какое-то не просто безразличие, а упрямство. Правда, ходил Колька какое-то время в тренажерный зал и тягал там штангу, но это спортом назвать нельзя.

Сам Адам Маркович вскоре был отправлен в отставку с полноценной уже полковничьей пенсией, которая, при всей ее видимой солидности, вряд ли могла нормально обеспечить в материальном плане жизнь двух здоровых взрослых мужчин.

При довольно расхожем мнении, что военные хирурги плохие специалисты, Адам Маркович Коган пользовался заслуженным авторитетом в своей медицинской среде. Хорошо работающие руками хирурги, умеющие к тому же, по каким-то мелким деталям внешнего вида пациента, ставить правильный предварительный диагноз, а таковым и являлся Адам Коган, редко в природе встречаются, и такие врачи всегда нарасхват. Так Адам Маркович Коган был очень скоро приглашен в только что созданную службу медицины катастроф. Показателем уважительного отношения к нему со

стороны руководства стал автомобиль «уазик», раскрашенный в служебные цвета МЧС и стоящий теперь всегда во дворе под окнами квартиры. Вызовы на происшествия могли случиться в любую минуту дня и ночи.

Приезжал с таких вызовов батяка всегда угрюмый и серьезный. Разглядывать обезображенные головы трупов, вытасненных из пожаров, и помогать вырезать болгарками из искореженных в автомобильных авариях машин останки неудачников-автомобилителей – работа не из приятных. Правду сказать, и любая другая работа врача, распознавать болячки и общаться с неполноценностью человеческой, если вдуматься, – не подарок, хотя благородна.

Шли год за годом.

Колька в школе учился с тройки на четверку, и скорее хорошо, чем просто неплохо, но без энтузиазма. Правда, было в нем что-то такое и надежное, и загадочное, и многообещающее, что Вовка Филиппов, кончавший школу с медалью и первым номером, вполне серьезно предложил как-то раз Кольке:

- Давай с тобой поступать в МГИМО – на одной койке спать будем.
- Нет, – ответил Колька, – меня в МГИМО с моей фамилией не примут.
- Нам с тобой там фамилии поменяют.
- Нет, я не могу свою фамилию менять – я обещал.

А Лида Хвостикова, первая красавица школы и медалистка-отличница, которая каждый раз после пятерки каждому учителю говорила «спасибо», прямо на выпускном вечере громко и прилюдно, обращаясь к Кольке, провокационно заявила:

- А вот ты, Коган, если замуж меня позовешь, я пойду!
- Нет, – отвечал Колька, – не позову – я в армию пойду! Может, потом как-нибудь.

К Татьяне Васильевне шли всем классом с шампанским и цветами. Татьяна Васильевна заметно сдала и стала похожа на настоящую пенсионерку. Она накинула на себя какую-то застиранную, старушечью выцветшую кофточку и вышла с палочкой своей на улицу, чтобы сфотографироваться с ребятами. Смеялись, мечтали и прощались, обещали друг другу несбыточное и понимали уже по-взрослому, что настоящую путевку в жизнь им дала вот эта их первая учительница Татьяна Васильевна, ей они обязаны даже тем, что вот у нее они сейчас все вместе собрались.

Дома Адам Маркович обнял Кольку за плечи и, глядя ему в глаза, очень серьезно произнес:

– Я думаю, Коля, что мы с тобой должны съездить в твою родную деревню Дубову и навестить могилку твоих. Как ты?

– Я готов, – ответил Колька.

Ехали на служебном уазике. Дорога была хорошей, асфальтированной до самой деревни, до площадки, которая служила местом остановки местных автобусов. Здесь же, на этой площадке, располагался и продовольственный магазинчик, или, скорее, ларек, в котором продавали хлеб, сигареты, пряники и водку.

Колька немного растерялся: ведь он не помнил даже, где стоял его бывший дом, на какой улице. Однако Адам Маркович уверенно зашел в магазин и через десять минут вышел улыбающийся:

– Поехали. Вот по этому центральному порядку сто метров, налево дом-пятystenок с желтыми наличниками. Сейчас все найдем.

И дом нашелся, хотя Колька его не узнал. И сосед старик, дядя Саня, который всю ту печальную историю с Колькой и его родителями хорошо помнил, нашелся. Он согласился проводить гостей на кладбище. Пока шли через проулок из деревни и потом по полю, дядя Саня всю дорогу болтал:

- Как же не помнить – чай, я их и закопал. А ты, Колька, что ли, меня не помнишь? Я же тебе как родной был.
- Нет, не помню, – отвечал Николай.

Кладбище находилось недалеко от деревни, враз за низиной, заросшей камышом и травой. Участок его был огорожен с непонятной целью пряслами из оструганных жердей, эдаким странным забором, начинавшимся на пустом месте и заканчивавшимся ничем. Посередине этого куска ограды находился проход, точнее, покрытый высокой толстой слегой въезд на территорию без ворот. Могилки были и старые забытые, и новые, но не много. Кладбище упиралось в настоящий еловый бор, поднимающийся на пригорок, туда и повел своих незваных гостей дядя Саня.

Ели, стоявшие на подъеме, были древние, росли редко, и замшелыми у них были не только стволы, но и нижние лапы, которые стелились прямо по земле. Поднявшись меж елок чуть-чуть в горку, дядя Саня остановился:

- А как же вы ничего с собой не взяли-то, чтобы помянуть?
- Взял я все, – отвечал Адам Маркович, – вот у меня тут. Бери.

Он протянул дяде Сане плоскую бутылочку из-под коньяку.

– Это что? – спросил дядя Саня. – Чем тут помянуть-то?

Дальше все складывалось, как рассчитывали друзья-одноклассники, только на выходе ничего не получалось: и фонд нашли, и зарегистрировались, и счет специальный открыли, и рекламу по телевидению дали, а в результате через месяц на счете было семьдесят пять тысяч рублей.

- Это спирт медицинский, самый чистый и хороший. Дома разбавишь водичкой пополам и помянешь. А нам нельзя – нам еще за руль садиться.
- Разбавить-то мы сумеем, не дураки, а вот то, что вы не помянете родных, – плохо. Хотя если за руль. Вот тут я их и закопал, между этими двумя елками, в одну могилу обе колоды положил. Видишь, Коля, голубец резной, столбик с крышечкой – это я резал и ставил. Качнулся уже чуть-чуть. Там, внизу, на поле, лежат православные никониане под крестами, а твои родители, Коля, были старой веры, я знаю. А староверов мы вот тут, в лесу, ложим. В военкомате с Колькой разговор произошел интересный и веселый.
- Ты где хочешь служить, Коган? – спросил игривым тоном у Кольки военком, непонятно каким образом в тот момент оказавшийся в приемном кабинете.
- В полковой контрразведке, – так же весело ответил Колька, поддерживая игру.
- Понятно. В стройбат пойдешь. Не забудь лопату с моторчиком из дома взять. Пусть тебе твой папаша купит, – так же весело ответил ему военком. Проводов никаких официальных не устраивали, сходил только Колька к Татьяне Васильевне выпить

чашку чаю, да с батюшкой вдвоем, уже поздно вечером посидели за столом, выпили по рюмке водки. Обещал Колька и ей, и ему писать регулярно.

И еще: обнимаясь перед расставанием, в прихожей училка шепнула Кольке на ухо:

– А ведь ты мне как сынок был. У меня ведь своих-то не было.

– А вы мне как мама, – отвечал ей Колька.

3.

То, что благодаря отцовским хлопотам Колька успел еще до службы получить водительские права, окончив курсы вождения при МЧС, сослужило ему добрую службу: очень скоро он стал персональным водителем у своего командира и из двух лет своей службы почти полтора года он прожил, катаясь на машине, как сыр в масле. Даже в отпуск домой за это время три раза умудрился съездить, командир отпускал: батянка бодрился, Татьяна Васильевна старела. Часто писал он письма и батюшке, и училке: за два года штук тридцать случилось. По телефону тоже звонил иногда. Служба пролетела незаметно.

Зато заметно было, как в армии Николай заматерел: и в плечах раздался, и глазки какие-то узенькие стали, и что-то мужикастое, коренастое, солидное появилось в нем, с виду даже неуклюжее. По возвращении домой Николай в первую очередь отправился к Татьяне Васильевне. Когда он бывал дома на побывках, он также к ней забегал. Но тогда он забегал, а теперь – отслужил. Подарок Николай для училки купил в торговом центре: платок пуховый теплый. Сидели долго, и чай пили, и вина какого-то училка в шкафу разыскала. В каком-то порыве Николай назвал ее мамой – училка взяла его руку, приложила к своей щеке и долго не отпускала

– Меня ведь, Коленька, впервые в жизни мамой-то называют.

Вечер провел с батей: говорили о будущем Николая, о перспективах работы в МЧС, о возможном поступлении Николая на вечернее отделение в строительный институт, о здоровье Татьяны Васильевны.

Как-то случайно заикнулся Николай о ее здоровье, и Адам Маркович внимательно посмотрел на него:

– А ты что – заметил?

– Что заметил?

– У Татьяны Васильевны серьезное заболевание. Я же у нее бывал в твое отсутствие.

– Какое заболевание?

– У нее опухоль головного мозга. У нее там, в голове, шишка нехорошая растет. Ее надо сроч-

но удалять. У нас такие операции пока что не делают правильно, нет хороших специалистов, а главное, оборудования. А в Израиле делают очень хорошо, лазерной хирургией это называется, мои друзья делают, я уже звонил им и с ними разговаривал. Всю историю болезни, и анализы, и снимки я тоже им отправил. Татьяна Васильевна слепнуть начала, через год она зрение может потерять. У нее постоянные головокружения, два раза она уже падала, скоро она ходить не сможет. Операцию надо делать в сентябре – это крайний срок.

- Ну, так надо делать.
- Операция эта стоит почти пятьдесят тысяч долларов, это больше миллиона рублей.
- Не может быть! Это что же – как квартира, что ли?
- Да! И где взять деньги – никто не знает. Правда, Татьяна Васильевна пока что и сама не знает о своих проблемах.
- А что делать?
- Не знаю! Искать спонсора, брать кредит, подключать фонды какие-то благотворительные. Не знаю. У вас в классе никакой сынок миллионера не учился?
- Да нет! Надо, может, Вовку Филиппова подключить.
- У Филиппова отец не миллионер, а полковник ФСБ. Но поговорить с ним надо обязательно.

Уже на следующий день Николай встретился с Лидой Хвостиковой. Та прогуливалась в сквере с колясочкой – счастливая, красивая, улыбчивая. Коле Когану она призналась, что вот дочка у нее есть, а мужа по-прежнему нет, и потому она все так же готова выйти замуж за него. О проблемах Татьяны Васильевны она услышала впервые:

- Я завтра же позвоню в Москву Вовке Филиппову.
- А почему завтра, Лида?
- Да нет – конечно, сегодня. Он что-нибудь придумает. Существуют такие фонды помощи больным.

Дальше все складывалось, как рассчитывали друзья-одноклассники, только на выходе ничего не получалось: и фонд нашли, и зарегистрировались, и счет специальный открыли, и рекламу по телевидению дали, а в результате через месяц на счете было семьдесят пять тысяч рублей. Это – капля!

Хотя Адам Маркович ничего Николаю и не говорил, но тот и сам понимал, что сидеть на шее у отца негоже. А тут как раз во дворе встретил его бывший сослуживец из соседнего дома, который демобилизовался на год раньше Николая, и предложил ему подработать. Надо было в селе Воротынцево, что в ста километрах от города, на реставрируемой

церкви поставить на куполе большущий вызолоченный крест.

- Я же знаю, Коля, что у тебя есть все разрешения и допуски строительные, какие только можно было получить в армии. У тебя есть удостоверение монтажника-высотника, или, как это называется, разрешение работать на высоте?
- Есть у меня все разрешения, удостоверения и справки, какие только бывают на свете, – отвечал Николай, – у меня такой классный командир был.
- Бери их тогда все, паспорт и едем в Воротынцево. Мы бы и сами поставили этот крест, но батюшка и бригадир реставраторов такие въедливые буквоеды – им нужен специалист. Вот я за тобой и приехал. Нам на троих заплатят пятнадцать тысяч. Пара дней – и пятерка у тебя в кармане. А если тебе там понравится, то и до конца останешься, это где-то на месяц. Платят там исправно и очень-очень прилично, потому что реставрацией этой занимается какой-то самый настоящий олигарх.

Николай не отказался. Он просто доложил отцу, Адаму Марковичу, а тот даже обрадовался:

- Надо же, тогда я прямо завтра тоже уеду на пару недель в санаторий-профилакторий – мне велют специалисты нервишки подлечить. Узик служебный пусть стоит под окном, он на ответственном хранении на меня записан, я его пока сдавать не буду, ключи на подзеркальнике лежат. Если понадобится куда-то, на «жигуленке» поезжай – ему хоть и пятнадцать лет, но он еще неплохо бегаёт. Деньги в ящике стола на всякий случай. Если что – звони!

На другой день, к обеду, бывший сослуживец привез Николая в Воротынцево и представил бригадиру Сан Санычу. Бригадир был длинный, угловатый, несуразный, да еще и в очках. Он сидел в бытовке, маленьком чешском уютном домике, стоявшем рядом с храмом, и перебирал какие-то бумажки. А храм был просто огромный – собор! И название такое серьезное – храм Образа Спаса Нерукотворного.

- Сан Саныч, это Николай, монтажник-высотник, как я и обещал.
- Николай, у тебя удостоверение с собой?
- Да, – ответил Коля.
- Не просроченное?
- Нет.
- А паспорт?
- Тоже не просроченный.
- Тогда садись, диктуй, а я буду писать договор на оказание услуг. Сумму тебе сказали? Втроем

поставите центральный крест – получишь пять тысяч.

- Так я еще и крест-то не видел.
- Давай сначала бумажки подпишем, а потом бывать запрем и пойдем крест смотреть.
- Диктуй. Фамилия?
- Коган, – сказал Николай.

Сан Саныч поднял голову и с интересом посмотрел на Николая.

- Как-как? – переспросил он.
- Коган, – повторил Николай, – а что?
- Да ничего, фамилия у тебя какая-то.
- Какая такая – какая-то?
- Какая-то бабья. Ладно, давай дальше, а то мы тут никогда не закончим с этим крестом и с этим храмом.

Пришла женщина, молодая, лет тридцати – тридцати пяти, в платке, длинном темном сарафане. Она позвала обедать бригадира Сан Саныча: оказалось, что это – матушка Наталья, жена священника, который живет совсем рядом, через два дома. Была матушка вся ладная, плавная, улыбчивая, до дородности ей было еще далеко.

- А вы у нас новенький? – спросила она у Николая.
- Да, это наш монтажник-высотник, – отвечал за Николая бригадир.
- Тогда тоже пойдемте с нами обедать, – сказала матушка, – отец Сергей хочет с вами тоже познакомиться.

Батюшка выглядел совсем молодо и по-современному: полосатые домашние штаны от пижамы, рубашка-распашонка и войлочные тапочки, борода окладистая рыжая, которую он все время поглаживал.

За столом сидели вчетвером: батюшка с матушкой и Сан Саныч с Николаем. Собирали на стол, убирали и бегали на кухню постоянно две суетливые и заботливые, уж очень хозяйственные девчухи-поповны восьми и десяти лет. Два попенка играли во дворе около крыльца – они были еще совсем маленькие. На обед подали свекольник холодный и котлеты рыбные щучьи с гречкой, на закуску – огурчики малосольные и телятину холодную с хреном.

Отец Сергей встал за столом и перекрестился:

- Христе Боже, благослови пищу и питье рабам Твоим, ибо Ты свят, всегда, ныне, и присно, и во веки веков.

Водка у батюшки на столе стояла в хрустальном графинчике. Он налил три рюмки. Николай хотел было отказаться, но не посмел.

- Ну, что? Скоро конец – делу венец. Давайте выпьем, чтоб он сгнил.
- Все чокнулись и выпили.

– А почему сгнил? – спросил Николай.

– А потому, что это самый важный и первый тост на Руси, когда что-то строится или уже построено. На новоселье – первая рюмка: «чтоб он сгнил». Потому что у нас на Руси много чего строилось и продолжает строиться из дерева, а пожары – это русская беда. Россия по-прежнему – деревянная страна. Так вот, чтобы храм наш не сгорел, а сгнил. Сгореть-то он вмиг может, а гнить лет триста будет.

Потрапезничав, все встали из-за стола.

- Пообщаешься с батюшкой, подходи – нам надо с тобой определяться, – кивнул Сан Саныч Николаю и ушел.

Николай с отцом Сергием вышли во двор и уселись на широкой лавке под старой липой, которая росла прямо во дворе у батюшки.

- А как же ты так Коганом-то стал, Николай, на Когана ты совсем не похож, – спросил, по-хитрому глядя на него, батюшка.

Николай вкратце рассказал ему свою историю без деталей.

- Да, чудны и неисповедимы пути и дела твои, Господи, – только и произнес батюшка. – А ты крещеный ли, Николай?
- Крещеный, только в старую веру. У меня родители староверы были. А в точности-то и не знаю я.
- А ты знаешь, что Коганы по-еврейски «священники»? Ну так вот – мы храм с тобой откроем, пересвятим все в нем и первым делом тебя окрестим. Но это мы еще с двадцаткой согласуем.
- А что такое двадцатка? – поинтересовался Николай.
- Ну, как же? Я ведь в храме не начальник и не хозяин – меня только пригласили, или назначили, или, точнее, владыка, митрополит наш, приказал здесь служить, а хозяева в храме прихожане, двадцатка и выборный председатель двадцатки – они решают, что и как делать, а я только советую. И то пока я тут служу. Хотелось бы задержаться – и храм добрый, и народ приветливый тут, община хорошая получится. Приход тут, должно быть, богатый будет. Я тебе, Коган, про храм вкратце расскажу. Построила его купчиха Рябинина, вдова. А сам Рябинин хлебом торговал, миллионщиком был. Когда он в мир иной отошел, вдова не знала, куда деньги-то девать, столько их ей досталась, и построила она этот собор, потому что сама родом из этих мест была. И архитекторов московских нашла, и строителей. Мало того, у такой же, как и она сама, вдовы-миллионщицы московской, доброй знакомой

своей, сумела она для собора своего выкупить редчайшей красоты и удивительнейшего письма икону, «Страшный суд» называется. Икона эта была работы известного мастера, царского иконописца, так школа живописная называлась, и про икону ту в журнале специальном писали, про красоту ее. Уж сколько вдова Рябинина заплатила – неизвестно, только про то и сто лет назад разговоры были. Мало того, икона эта еще и чудотворная была, к ней со всей России съезжали помолиться. А когда в 1938 году храм этот наш закрывали, то до разорения полного дело не дошло – старухи местные, прихожанки усердные, успели все образа из храма унести и надежно укрыть от властей безбожных. Считалось только, что образ тот «Страшный суд» пропал или погиб или спекулянтами за рубеж продан.

Да, только совсем недавно открылась радость нечаянная для верующих: спаслась икона та. Нашелся у нас здесь спонсор денежный, местный, из богатеньких, и решил он восстановить храм. Деньги на это немалые потребовались. И когда дело пошло, с места сдвинулось, та радость-то и случилась. Председатель нашей двадчатки, проще староста храма, привез образ тот на днях, чтобы поместить его в храме. Мы уже место для него подобрали. Где хранилась икона та семьдесят лет – не говорит. А тебе, Николай, я ее покажу сегодня. Вот ты посмотришь и удивишься, как можно такую красоту деньгами или долларами какими-то оценивать. Я знаю, что за нее миллионы давали. Заболтал я тебя. Вот работу завтра сделаете, и я тебе покажу красоту нашу. К нам со всей России снова будут ездить, чтобы помолиться. Тут пять дней назад приезжали уже двое из Москвы, тоже вашей древней нации, говорили, что из музея какого-то, просили показать да сфотографировать. Мы не дали. Ну, беги – заболтал я тебя.

– Спасибо, батюшка, за рассказ, и за обед матушке Наталье передай спасибо. – Николай встал и пожал сидящему отцу Сергию руку.

«Молодой мужик, сорока лет, а вальяжностью и снисходительностью наполнен, будто известно ему уже все на свете. И полнота в нем не по годам излишняя, какая-то болезненная», – думалось Николаю, когда он шел от дома батюшки к храму, а вдоль забора тяжелыми гроздьями нагло торчала пижма и скромно подмигивали пепельные бантики цикория.

Ночевал Николай в бытовке, чешском строительном домике для инструмента и материалов, стоявшем рядом с храмом.

4.

Зачем выдернули Николая из города в эту деревню, он так и не смог понять: на следующий день военный вертолет, который организовал всемогущий спонсор, восстанавливавший храм, установил огромный вызолоченный крест на вершину купола за пару часов и улетел домой. Наверное, эта поездка в село Воротынцево была просто самым настоящим провидением, какие в жизни все же случаются.

Опять обедали у батюшки, уже впятером: был за столом еще староста церкви Иван Ильич, который прилетел с вертолетом, да и остался тут дома. Иван Ильич был мужчиной очень неопределенного возраста: худенький, с реденькими волосиками и такой же реденькой бородкой, в пиджаке, из-под которого виднелась застегнутая на все пуговицы белая рубашка в мелкий цветочек, и рукава той рубашки вылезали и закрывали почти половину кистей рук.

На обед был бульон куриный с пирожками и пюре гороховое с маслом растительным, вчерашние котлеты щучьи были в качестве холодной закуски, пили только квас. Говорили о делах хозяйственных, и Николай сидел попкой, но слушал. А потом пошли все вместе в храм – батюшка решил выполнить свое обещание Николаю и показать ему знаменитую икону, но чувствовалось, что ему и самому хочется еще раз ей полюбоваться, а заодно как бы и похвастаться.

Ключи от храма и от остальных подсобных помещений лежали в ящике стола, в бытовке. Все это выглядело очень просто и даже наивно.

Несмотря на величие и грандиозные размеры собора, пристрой трапезной был невелик, и туда не смогло убраться все имущество, которое с неделю назад привез староста Иван Ильич из мастерских Софрино: паникадило, бра, подсвечники, служебные книги, коврики, половики и еще не одна сотня всевозможных предметов, необходимых для полноценного функционирования храма. Часть новых, только что написанных образов из тех же софринских мастерских была складирована в центральной части храма.

Большой деревянный короб, специально построенный для старинной чудотворной иконы, стоял у стены. Он не производил впечатления своими размерами: так, метр с небольшим высотой и по ширине такой же. Сан Саныч гвоздодером и пассатижами вытащил гвозди из крышки ящика и снял ее. Потом освободил лицевую сторону иконы от байковой подстилки, укрывавшей ее.

И открылся перед Николаем образ «Страшного суда». Даже без освещения, при полумраке, а свет

поступал только через открытые двери и зарешеченные маленькие окошечки, золотом загорелась икона и как бы сама осветила весь храм. По золотому полю плыли корабли, шли воины в поход, бегали зверушки, летали в голубом небе херувимы и серафимы – сотни фигур были выписаны на пространствах иконы с мастерством самым искусным. В пламени огненном мучились грешники, и черная смерть с косою была тут как тут, и черти безумствовали. А по полям были записаны тончайшим каллиграфическим почерком соответствующие тропари и акафисты, несущие самые строгие предупреждения и предписания. Рассматривать все эти чудеса палеографии и живописи надо было с лупой или микроскопом специальным не один день.

До Николая очень быстро дошло, что он видит настоящее большое произведение искусства, одно из тех, про которые складывают сказки и легенды ученые и искусствоведы, пытаясь познать и раскрыть чудесные секреты магии творчества великих мастеров. Он почувствовал, как волосы у него начинают топорщиться на руках, а мурашки бегать по спине.

- А что эта икона означает? – спросил он у бабушки.
- А ничего особенного, жизнь нашу грешную. Вот только изограф, писавший образ сей, был уж больно убедителен.
- Те купцы московские, которые приезжали на днях, говорили, что икона эта миллионы стоит и что продать ее очень легко даже, купцы найдутся, – заметил Сан Сныч.
- А откуда они узнали про икону? – спросил Николай.
- Не знаю! Откуда-то узнали! А вот зовут одного из них Саша Липкин, говорят, что у него в Москве пять магазинов своих антикварных, а другой вроде как советник его.

Вздрыгнул Николай, хотя в тот момент он еще не понял, что все срослось, что решение хотя и не принято, но уже выкристаллизовывается. В тот же день, сказавшись Сан Санычу, что надо ему доложить отцу про продление его командировки, он уехал домой. Времени у него было, наверное, с неделю. За эту неделю Николай должен был найти покупателя на образ, вывезти его из храма, получить деньги, перечислить их на счет фонда, а лучше даже сразу на счет израильской клиники. Правда, это смогут сделать уже и Лида с Вовкой Филипповым без него. А он после всего этого просто должен будет прийти в милицию, сдать ее и сесть в тюрьму.

Телефон Саши Липкина, московского иконщика и антиквара, оказывается, знала каждая соба-

ка и вся страна. По крайней мере, в «Антикварной лавке» на Покровке, рядом с домом, куда зашел, недолго думая, Николай, ему сразу и выдали телефон этого Липкина, сообщив, что он у них был неделю назад, а также подсказали, когда лучше звонить, и попросили передать привет от Алика и еще от каких-то друзей. А также рассказали целую легенду про этого советского спекулянта, а теперь – современного коллекционера.

Отчим у Саши Липкина был генералом КГБ, а потом и ФСБ, а вот папа его родной – известным всей Москве профессором врачом-проктологом. Покинув наш мир, он оставил малолетнему Саше в наследство очень солидное собрание картин и дачу на Николиной горе, прямо по соседству с Никитой Михалковым. Не буду перечислять все шедевры коллекции, но и Серов, и Коровин, и Айвазовский там были. Сашу искусство хотя и интересовало, но только древнерусское, а потому он готов был расстаться с произведениями русской академической живописи. И расстаться он начал так активно, что перед Олимпиадой 1980 года к нему запросто заглянули домой ребята из КГБ и изъяли почти сорок с лишним произведений искусства, которые висели у него по стенам, да еще кое-что по мелочи, объяснив свои действия необходимостью защитить Сашу от всякого рода соблазнов в виде покупателей-иностранцев. Обещали вернуть ему изъятое при условии, что Саша за время международных состязаний не встретится ни с одним жителем заграницы. После Олимпиады Саше вернули все до последней почтовой открытки, ничего не повредив и не поцарапав. Хотя Саша уже готов был начать распространять информацию о беспардонности и безнаказанности наших спецслужб.

На телефонный звонок Липкин откликнулся сразу, в голосе его звучала какая-то игривость, но на предложение встретиться и поговорить о покупке образа, которым он интересовался пять дней назад, ответил отказом:

- Коган, я тебя не знаю, и кто ты: провокатор или просто мелкий воришка – тоже. Но я знаю происхождение этой дровины, она паленая и с такими ногами, что и за любые деньги я к ней даже близко не подойду. Даже встречаться с тобой не хочу. Но я тебе дам совет. Точнее, давай я сейчас позвоню своему товарищу, он иногда такие странные вещи берет – она ведь у тебя невянской школы, по-моему. Я тебе перезвоню через пять минут. У меня высветился твой телефон.

Ровно через десять минут Саша Липкин перезвонил Николаю:

– Пиши телефон, он ждет твоего звонка. Зовут его Матвей. Живет он в Ебурге.

– Где-где?

– В Екатеринбургe.

– А деньги у него есть?

– Есть. Он даже не знает, сколько их у него. У них там, в Екатеринбургe, есть частный музей «Невьянская икона», вот там с ним и встретишься.

Второй телефонный контакт Николая был таким же коротким, но более результативным. Матвей оказался либо не в духе, либо с похмелья, или законченным мизантропом.

– Я Коган, – начал Николай.

– Знаю я все, мне Липкин звонил про тебя. Когда привезешь? – прервал его Матвей.

– А когда можно?

– Завтра я тебя жду. Встретимся в музее иконы.

– Я еще билеты не взял. Я вам перезвоню.

– Хорошо, я жду звонка.

Николай хорошо запомнил, как икона была упакована: в байковое одеяло, поролон, а потом уже в деревянный короб. Он съездил в самый большой строительный торговый центр и заказал там все: от фанерного короба до гвоздей и самозатяжных ремней, расплатившись и пообещав приехать на следующий день.

У Николая была уверенность на «жигули», стоявшие под окном. Но он, не задумываясь, решил воспользоваться служебным отцовским уазиком – кто это рискнет ночью тормознуть такую машину! Николай на этом уазике прибыл в село Воротынцево ровно в половине второго ночи. Он оставил машину под березами на окраине и пошел в село пешком. И луна светила изрядно, и звезды просто сияли, и все было видно вокруг, как днем. Шел звездный дождь: из центра небосклона вылетали отдельные яркие метеориты и парами, и тройками, сверкали и гасли они, не долетая до горизонта. «Персеиды, – вспомнил Николай, – про них нам училка говорила в четвертом классе».

Ключи от храма были на месте. Двери даже не скрипнули – Сан Саныч смазал их по-хозяйски добросовестно, сообразил Николай и похвалил его за такую хозяйственность про себя. Крышка с гвоздями из короба вышла как из масла, икону от байкового одеяла Николай освобождать не стал, так в нем и вынул икону. Потом он закрыл короб и еще раз проверил, хорошо ли вошли гвозди. В течение недели этот ящик никто не тронет, а скорее всего, и в течение двух. Надо все за это время успеть. А икона оказалась не тяжелой – килограммов пять-семь.

«Когда я ее в свой короб упакую, будет килограммов пятнадцать, ну, может, чуть-чуть побольше», – подумал про себя Николай.

Храм закрыл без скрипа, ключи положил на место, домой приехал в пять утра и лег спать. Днем съездил на вокзал и купил билет на поезд до Екатеринбургa, а вернувшись домой, старательно, как только мог, упаковал свое сокровище: сначала в фанерный короб, а уже короб зашил в брезент и перевязал четырьмя упаковочными стяжными ремнями. Только после этого позвонил в Екатеринбург Матвею.

Тот был снова до холода неприветлив:

– Завтра в двенадцать я тебя жду в музее «Невьянская икона». Поговорим.

Ехал в плацкартном вагоне и почти всю дорогу спал. Короб с иконой лежал на верхней полке. Николай был на удивление спокоен, волнение даже на миг не посетило его: он не ощущал материальности таких понятий, как большие деньги, смертельная болезнь, воровство, тюрьма. Он просто последовательно выполнял ряд поставленных самим себе небольших задач, а потому был спокоен. К тому же он совершенно точно знал, что в ближайшую неделю иконы никто не хватится: короб от нее, заколоченный, стоял в храме, на месте, и раньше, чем начнут благоустраивать храм, его не откроют.

От вокзала хотел до музея пройти пешком – казалось, что все рядом, но люди добрые на вокзале подсказали, что пешком протащится он с час, – и решил взять такси. К тому же ворованная икона, хотя и упакована была хорошо, и нести ее можно было с помощью передвижных ремней и через одно плечо, и через другое, и за спиной, но – пятнадцать килограммов, да таких увеличенных габаритов, хотя и невелик вес для мужика здорового, но все же и не подарок.

Музей располагался в древнем купеческом двухэтажном особняке. Вообще, пока ехали с разговорчивым таксистом, Николай узнал много интересного о городе Екатеринбургe. Больше всего ему понравилось то, что многие старинные двухэтажные купеческие особнячки не пошли под слом, как в его любимом Нижнем Новгороде, а все были отреставрированы и приспособлены с умом под общественные нужды: редакция журнала, союз кинематографистов, союз писателей, какая-то студия, небольшой музейчик.

Матвей был уже на месте. Ему было лет пятьдесят, и выглядел он тут, в музее иконы, очень по-домашнему. Он сидел за столом администратора и ел молочную рисовую кашу из деревянной миски деревянной ложкой.

- Тогда проходи – это пароль был такой.
- Какой пароль? – опять серьезно спросил Николай.
- Никакой! Это шутки мои такие, идиотские. Ты, Коля, черную икру ешь?
- Ем, а что?
- Мне вчера пригнали литровую банку черной икры с Астрахани, вот мы сейчас с тобой ее и оприходуем. Я только Юрку, помощника своего, пошлю за хлебом и маслом, а чай и сахар у нас с тобой есть. Да ты проходи и садись – в ногах правды нет. И рассказывай все про себя и про всех ваших нижегородских жуликов – правда, я, наверное, все довольно хорошо и без тебя знаю.

Николай прошел за хозяином в просторный кабинет через торговый зал, заставленный стеллажами с книгами. Освещение было приглушенным, а потому Николаю показалось в зале тесновато. А вот в кабинете можно было танцевать. Звучала тихо легкая инструментальная музыка, пахло не пылью, а намеком на какой-то очень дорогой парфюм. Хозяин снял свою фуфайку, феску, закатал рукава рубашки и, повернувшись к Николаю, сказал:

- Итак, меня зовут Женя. Когда меня зовут Блистером, мне не нравится, потому что у меня другая фамилия. Ты, как я понял, Николай, и, когда тебя зовут Коган, тебе это тоже не нравится. Так?
 - Нет, совсем не так! Мне, наоборот, нравится моя фамилия, и я могу рассердиться, если над ней будут смеяться. Просто когда я был маленьким и мне было пять лет, у меня была другая фамилия. Поэтому про фамилию лучше не надо.
 - Понял, не дурак, два раза можно не повторять! Женя взял мобильник, что-то там нажал и сказал:
 - Юра, у меня гости, сбегай в магазин, принеси, пожалуйста, два батона, две пачки сливочного масла, полкило буженины в нарезке и полкило сыра хорошего, тоже в нарезке. Кофе, чай, коньяк и минералка у меня есть.
- И уже к Николаю:
- Я тебя ни о чем не расспрашиваю, потому что мне все, что надо знать, о тебе Матвей рассказал. А вот сейчас приедет гость уважаемый, ты с ним будь повнимательней: и не ври, и лишнего не болтай.

- А что за гость? Липкин, что ли?
- Нет, Липы нам не надо, Липа дилер, он сам на себя работает. Нам нужна конечная остановка. Да ты не знаешь его – Гриша Грузин, у него фантастическая коллекция икон, наверное, лучшая частная коллекция в стране, он иногда выставляет ее. Сейчас познакомимся. Я хотел сначала

пригласить художника тут нашего местного одного, но с мировым именем, Илью Сергеевича Глазунова, слышал, может, но уж больно барина он последнее время из себя гнет. Он тоже мог взять твою дровину – и деньги есть, и не боится ничего. Но Гриша надежнее.

Пришел помощник Юра, ровесник хозяину, одетый также во фланелевую рубашку в клеточку и поддевку, но уже шелковую, оранжевую, – принес продукты.

- Коля, ты, может, в сортир хочешь или руки помыть, так пройди: там, рядом с кабинетом, дверь в подсобку, а из подсобки дверь в сортир. А потом давай поработай немного: делай десять бутербродов с икрой. Батон тут в нарезке, мажь маслом, не стесняйся, а икрой еще гуще – жалеть нечего и некому. Налей из кулера воды в чайник и включи. Я пойду позвоню гостям, что-то они не торопятся и не звонят.

Только Николай с хозяином съели по пять бутербродов и выпили по две чашки чаю, как раздался мелодичный звук колокольчика, и на столе в кабинете загорелся экран. Женя глянул только мельком и нажал кнопку пульта.

- А вот и гости долгожданные, – произнес Женя и пошел встречать.

Несмотря на небольшой рост и худобу, голос у этого Гриши Грузина был очень необычный: хриплый и дребезжащий, и говорил он очень громко, никого не стесняясь. Если бы он запел, то, наверное, это был бы бас-баритон. Лохматый, в черной рубашке, темные очки в большущей круглой оправе, он ни с кем не здоровался, а сразу прошел в кабинет и уселся за хозяйский стол, кивнув своему спутнику, чтобы тот ждал у дверей.

- Ну и где эта красавица, которую мне так, захлебываясь, расписывал Матвей? Ты, что ли, Коля Коган? Про тебя мне тут напели и Саша Липкин, и Матвей. Давай смотреть, а потом мне все-все подробно будешь рассказывать.

Женя достал пассатижи, отвертку, передал их Николаю, чтобы тот распаковывал волшебный короб, а Юре своему сказал:

- Принеси из подсобки самый мощный, большой подрамник и установи нам на нем икону.

Когда начался этот необычный сеанс, эта пятиминутка просмотра, в кабинете установилась тишина, и только тихонько откуда-то доносились звуки фортепиано. Золото иконы снова горело, дополнительно осветив кабинет.

- Да-а! Город, а не икона, – все есть. После тако-го ни на что глаза глядеть не захотят. Что же мне с тобой делать-то? – в задумчивости про-

изнес Гриша. – Слушай, Коган, перед входом стоит белый «гелендваген», я его только что взял, новенький, он стоит семь миллионов. Вот тебе ключи и документы – меняемся, забирай.

- А как я его продавать-то буду?
- Чудак! А зачем его продавать – катайся на нем.
- Мне не надо «гелендваген» и не надо семь миллионов. Мне надо миллион, чтобы сделать операцию училке своей.
- Какой такой еще училке?
- Я сам детдомовский, а у меня была учительница в школе, Рогова Татьяна Васильевна, которая мне стала как бы вместо мамы, и вот она умирает. Она для меня самая-самая на свете – после бабушки. Ей надо сделать операцию в Израиле. Все анализы и заключения уже у них. Они готовы делать операцию в сентябре. Операция стоит пятьдесят тысяч долларов, это – больше миллиона, почти полтора. Мы счет накопительный специальный открыли, рекламу дали, но собрали всего семьдесят тысяч рублей. Поэтому я и решил украсть эту икону, продать ее, перечислить деньги в Израиль, а потом уже сдаться и сесть в тюрьму.
- Это ты все ловко придумал. Конечно, мама – это дело святое. Пятерка за кражу тебе уже нарисована и корячится, и хозяин тебя уже ждет. За то, что ты маму свою захотел вылечить, на зоне тебе будет в зачет, и конечно, уважение. А где у тебя этот счет, на который надо деньги перевести, израильский, на лечение твоей мамы?
- Вот он у меня записан, – ответил Николай, положив перед Гришей бумажку.
- Давай, сейчас придумаем что-нибудь веселое и с фантазией, чтобы про нас люди песни запели. А то совсем закисли мы тут, в столице. Женя, налей мне рюмку коньяку – вчера гуляли как-то неправильно. Позвоню-ка я сейчас своему директору – пусть заявки на несколько корпоративок зачетных для наших друзей примет, поработаю. И друзья мои пусть поработают.

Гриша нажал какие-то кнопки на своем мобильнике.

- Мотя, это я! Сделай для меня одно дело прямо сейчас. Я тебе продиктую номер счета одной медицинской клиники в Тель-Авиве, проверь его и узнай, когда они смогут принять Рогову Татьяну Васильевну, если мы сейчас прямо оплатим операцию. Они планировали на сентябрь – может, можно прямо завтра? Все понял? Я жду звонка. – Гриша положил мобильник на стол. – А теперь ты,

Коган, рассказывай, как ты Коганом стал, потому что на Когана ты совсем не тянешь. А твой бабку одобряет всю вот эту твою операцию с ровностью? Так какая у тебя родная настоящая фамилия?

- Не знаю.
- Не ври. Никогда, Коган, не ври. Вранье – это привилегия и прерогатива богатых или даже только очень богатых людей. За вранье очень дорого и постоянно приходится платить. Так что?
- Семенов.
- Правильно! А теперь все рассказывай про себя, все – с самого начала.

Николай начал действительно с самого начала, то есть с того самого момента, как беда случилась у него в деревне. Говорил он минут десять с подробностями: и как из храма ночью ее выносил, и как по Екатеринбург с ней мотался, говорил, пока не прервал его Гриша.

- Понятно все! Женя, а этот дом, правда, что ли, Диме-генералу принадлежит? Ловко ты тут устроился: и за аренду, наверное, не платишь, и крыша солидная есть. А дай мне его номер мобильного, у меня почему-то нет его.
- Ничего я не устраивался. Дима просто какой-то жуткий и огромный дворец построил себе около Ногинска; там у него в подвалах коридоров длиной на пять километров – на мини-электромобиль ездить приходится. А меня он попросил собрать для него библиотеку на десять тысяч томов. Я уже пятнадцать тысяч книг ему туда завез, а и половины того, чего ему хочется, еще не получается. Вот смотри, его номер, а ты лучше набирай – я продиктую.

Гриша Грузин что-то снова наколдовал с кнопками на своем мобильнике:

- Дима, салют! Это Гриша. Сажу я тут у тебя, точнее, у Жени Блистера в подвале. А ты далеко? Да это даже не важно! Хочу задолжаться я у тебя – благодарить всю жизнь буду. Ты не сможешь для меня на два дня, край – трое суток, организовать машину ментовскую со всеми синими люстрами, фонариками, причиндалами, пропусками и охранными документами, а также с двумя полковниками сопровождения в придачу? Я сразу докладываю тебе, что нужна мне машина, чтобы съездить в Нижний, в деревню там одну, и отвезти в храм местный здоровенную дровину. Икона царских мастеров – жалко, что не можешь подехать посмотреть. Туда – пятьсот, назад – пятьсот, а я в Нижнем останусь. У меня там друзья хорошие, я у них на пару дней останусь погу-

лять. Пусть не полковники будут, пусть – майоры. Я жду звонка.

Гриша отключил свой мобильник, бросил на стол, обхватил голову руками и задумался на минуту. Все молчали, только тихо-тихо звучала фортепианная музыка.

– Слушай, Женя, давай еще рюмку мне налей, и себе тоже, и Когану наливай. Сейчас выпьем уже со знакомством, и я все расскажу, что задумал.

Запиликал Гришин мобильник.

– Ну что, Мотя? Я тебя прошу – перечисли туда сейчас прямо пятьдесят тысяч бакинских с подтверждением и правом отзыва и попроси наших друзей, чтобы взяли все под свой контроль с этой Татьяной Васильевной. Хорошо? – Гриша отключил связь. – А ты, Коган, давай звони своим друзьям-школьникам, которые в Нижнем контролируют ситуацию, и пусть они проследят, когда деньги для твоей училки будут на израильском счете. Пусть они сразу же, не откладывая в долгий ящик, покупают билеты, отправляют ее в Израиль – там ее встретят и обслужат в лучшем виде. Ты, Коган, сидишь и не высовываешься, пока я не скажу. Есть у меня тут квартирка одна, где я с барышнями встречаюсь да кувыркаюсь иногда – будешь пока там кочумать: может, день, может, два, может, неделю. Я завтра утром, если все сложится по моим планам, буду в твоём Воротынцево и тебе отзвонюсь. Ты говорил, что они там, в деревне твоей, не дернутся в течение недели, так вот – пошел четвертый день уже, и всякое могло за это время случиться.

6.

Конечно, Гриша Грузин утром следующего дня уже был на месте, в Воротынцево – у таких людей все складывается. Всю ночь гнали, как сумасшедшие, один раз остановились перекусить в придорожном кафе, только принципиально уже опоздали немного – пропажа была обнаружена два дня назад – видели люди добрые, как ночью что-то увозил на своем уазике тайком Коля Коган. Да и больно подозрительным было то, что он никому не позвонил, никого не предупредил, что не выйдет на работу. Так что у таких людей, как Николай, не всегда и не все складывается. Заявление о краже было подано, и уголовное дело заведено, но Николай Коган пока еще не был объявлен во всероссийский розыск. Правда, сотрудники органов внутренних дел уже пытались его найти, и отец его приемный Адам Маркович был извещен о дерзком поступке сына.

Староста Иван Ильич, на счастье, оказался в храме, несмотря на ранний час. Икона чудотворная замечательных царских писем была передана ему Гришей Грузином, упакованная в короб, который соорудил для нее еще Коля Коган. Распеленатая от тряпок, извлеченная из короба, она вновь осветила золотом и своей красотой помещение храма. Староста выглядел немного ошалевшим и не мог вымолвить ни слова, только плешину чесал. Гриша выждал с минуту и потребовал от него сразу же, прямо в храме, составить акт приема-передачи образа с указанием даты и времени, и свидетелями выступили батюшка и майор милиции, сопровождавший Гришу от Москвы. Майор был в форме с погонами и в фуражке, что очень впечатлило старосту, и к отцу Сергию поехали за подписью все вместе.

Отец Сергей не поверил своим ушам, когда Иван Ильич сообщил ему о случившейся радости, даже собираться и переодеваться не стал: как был в домашнем халате и в тапочках, так в храм и побегал, про себя что-то причитая. И в храме он охал, ахал и причитал, а потом встал перед иконой на колени, целовал ее и молился. Лично Грише даже показалось, что разыгрывается сценка из дурной комедии. Вести разговоры практические поехали в дом к батюшке.

Две большие коробки с продуктовыми наборами были выгружены из милицейского «форда» во дворе: сыры, окорока, буженина, балыки, консервы – Гриша любил поразить и оставить впечатление. И был он по такому случаю приглашен к столу. Водитель Гришин и сопровождающий его охранник в звании майора милиции тоже были приглашены, но те вежливо и решительно отказались. Сидели за столом у батюшки из приглашенных только Гриша и староста храма Иван Ильич.

Гриша не очень долго упражнялся в своем грузинском красноречии, говоря батюшке и старосте о самозабвенности и героизме Николая, который сознательно, как Спаситель на Голгофу, шел в тюрьму, чтобы спасти свою любимую учительницу, ставшую ему, сироте детдомовскому, вместо мамы. Гришин дар убеждать не требует лишнего пояснения, и староста согласился ехать в город, чтобы забрать в милиции свое заявление, сразу после их плотного завтрака, больше похожего на обед, потому что была на горячее подана уха из сурской стерляди. Тем более что образ уже на месте и ни капельки не пострадал во время путешествия по стране. Надо просто в областном управлении внутренних дел объяснить следователю Козлову, который вел дело, что не там, мол, мы, дураки, искали

профессиональное медицинское сообщество. Он сообщил старшему Когану о преступлении его сына и просил помочь в розыске. Вечером на Гришиной московской квартире, куда отвезли на время Колю Когана, раздались по мобильнику вызовы от бати: один, второй, три, четыре. Адам Маркович отдыхал, а правильнее сказать, лечился в ведомственном санатории в городе Горбатове, что на Оке. У него уже давно была обнаружена сердечная недостаточность, и потому Николай волновался за него. И когда пришла эсэмэска «Перезвони, твои проблемы – это мои проблемы», Николай уже не смог не среагировать – он ответил. Разговор был коротким:

– Если ты хоть капельку чувства благодарности ко мне сохранил, я уже не говорю о родственных чувствах, которых, может быть, и не существует на свете, прошу тебя немедленно выехать домой и тут же явиться к следователю Козлову в управление. Это будет явка с повинной. Если икона будет возвращена, тебя ждет условный срок. А может, и вообще все обойдется – психиатрическая экспертиза сможет доказать, что ты был потрясен красотой иконы. Это называется катарсис. И еще запомни: самопожертвование – это еще не альтруизм! А гипертрофированная совесть – это настоящее психическое заболевание! Вообще не понимаю: то ли я тебя не так воспитал, то ли это у тебя врожденный идиотизм! И еще: мне стало известно, что сегодня Татьяна Васильевна с Володиной Филипповой едет в Москву, а завтра улетает в Израиль. Мне из Израиля уже звонили мои друзья-врачи. Это все.

– Сейчас еду, – только и ответил Николай.

Голос бати дрожал. Несмотря на приказной командный тон и строгие отчетливые формулировки, Николай чувствовал, что его батя на срыве и с ним может случиться кое-что и похуже, чем с Татьяной Васильевной. Откуда такие мысли возникли у него в голове, он не понимал, но они появились и не отпускали. Он, не думая, автоматически оделся, захлопнул дверь и поехал на вокзал – благо деньги Матвея у него еще с Екатеринбурга оставались.

Хотел сначала домой заехать, чтобы привести себя в порядок, но ноги сами его привели в милицию. Не помывшись, небритый, в помятом виде прямо с вокзала он явился в областное управление внутренних дел. Грубое серое здание без каких-либо архитектурных изысков в центре города больше напоминало отдельный цех какого-то крупного завода. Николаю пришлось обойти его кругом, прежде чем он сумел найти соответствующий вход. Доложившись дежурному офицеру, что он пришел

к майору Козлову, Николай уселся на одинокий стул и стал ждать.

Молодой веселый паренек, почти ровесник Когана, спустился минут через десять.

– Ты Коган? – спросил он, обращаясь к Николаю. – Пойдем со мной, я провожу.

На третьем этаже в маленьком кабинетике, уютном и аккуратно обставленном, без лишних папок с бумагами и странных, непонятных вещдоков, которыми за годы перегружаются все подобные кабинеты, за столом сидел майор Козлов в белой рубашке с короткими рукавами, фарфорово-глянцевого выбритый, благоухая мужским одеколоном, который густо отравлял всю окружающую его атмосферу. Весь внешний вид майора Козлова выдавал повзрослевшего инструктора райкома комсомола, каковым он и был на самом деле: позаботились когда-то партийные товарищи о своем друге и пригласили на службу в органы внутренних дел.

– Ну что, Коган, ну и попал ты, – начал майор, – охренел ты, что ли, – такую икону украсть. С такой-то рожей – ну, спер бы, что ли, мешок картошки или машину бы угнал, а ты... Давай писать, а потом говорить. Коган, ты еврей, что ли?

– Нет, татарин я. – Николая чем-то и сам майор, и тем более его хамское обращение с самого начала, ничем не обусловленное, разнутрило и побудило к соответствующей ответке. Хотя откуда какие-либо теплые или мягкие взаимоотношения возможны между следователем и преступником. Ведь они, следователи, всю жизнь, каждый день, с утра до вечера общаются с мерзавцами, негодьями и жуликами – такая у них работа. Порядочный человек в их окружении – редкость.

– А ты с самого начала не хами, Коган. Или тебе пошутить очень хочется? Не надо. Просто фамилия у тебя такая.

– Фамилия у меня хорошая, а вот у тебя, Козлов, – позорная.

– Так, Коган, ко мне ты будешь обращаться или гражданин следователь, или Евгений Алексеевич, и на «вы», а я к тебе буду обращаться как мне заблагорассудится. Понял?

Николай промолчал.

– Довожу до твоего сведения, что икона, тобою украденная, нашлась, и нашел ее не ты, а люди добрые. Вот только что пять минут назад староста храма позвонил, что едет он сюда, чтобы заявление забрать, но у меня дело-то уже заведено. Сейчас ты мне тут расскажешь, как ты готовился и как ту икону воровал. Мы уже знаем, что ты ее в Екатеринбург возил, билеты-то туда

ты на свое имя покупал. Хотя староста будет бо- житься, что икону просто в другое место пере- прятали, а потом не там искали. В общем, я ему сейчас, пока ты в подвале у нас сидишь, объясню, что если он врать будет и следствие в тупик за- водить, то он тоже вместе с тобой сядет и на наш лучший российский курорт отдыхать поедет, но будет у вас это хищение уже в составе группы и по сговору. Вот так! Понял?

– Не было никакого сговора, и икону я один воро- вал, а возвратил икону ту московский коллек- ционер Гриша.

– Это я уже понял. И про Гришу твоего я все знаю, в отличие от тебя – тот еще жук, многим сто очков форы даст. Вот только что, десять минут назад, звонил мне адвокат московский Беляк, а он входит в московскую десятку, так называ- ют самых сильных и дорогих адвокатов Москвы. Приедет он завтра сюда тебя защищать, а вот кто его нанял и кто будет ему бабки платить за твою защиту – не знаю. И ведь он тебя сразу из подва- ла нашего выдернет. Он там у них только самых крутых московских жуликов защищает, и гонора- ры у него миллионами исчисляются, а за чепуху всякую такие, как он, не берутся. Так что если что и если суд будет, то отмажет он тебя, а уж больно мне не хочется, чтобы этот человек с та- кой фамилией – Беляк – не за хрен на тебе мил- лионы заработал. А если я тебя отпущу, то хрен он чего заработает. Я ведь здесь работаю, а не штаны просиживаю, и разговаривал я уже и с Ли- дой Хвостиковой твоей, и с Владимиром Филип- повым, и ситуацию с иконой твоей и с училкой твоей представляю очень хорошо, даже лучше, чем ты сам. Ты, чтобы училку вылечить, пошел на глупейшую кражу, с фантазией поработал, но и с полным пониманием, что идешь в тюрьму. По- рядочные, совестливые люди, оказывается, еще на свете есть. А у меня тут, в кабинете, одна мразь с утра до вечера сидит на этом стуле. Смо- трю я на тебя и думаю, что в разведку с тобой я, наверное, все же пошел бы. А вот как мне те- перь поступать – по закону или по совести?

– По закону поступайте, – сердито пробурчал Ни- колай.

– Я и без тебя разберусь, только немножко поду- маю, – ответил следователь Козлов.

Какое-то внезапное опустошение заползло в Николая Когана и безразличием его наполнило. Главное, что дело сделано, – Татьяна Васильевна сегодня будет в Израиле, дальше все зависит от врачей. Вдруг захотелось спать. Он закрыл глаза

и на мгновение отключился: перед глазами стояла стена света, а на фоне этой стены возникла черная точка, она росла-росла и постепенно превратилась в лицо Гриши Грузина.

– Коган, ты спишь? – послышался голос следова- теля.

– Да!

– Иди в коридор и посиди там, на стуле, подожди. Приедет сейчас наш староста, мы с ним поку- мекаем маленько, подпишем кое-какие бумажки, и вместе поедете домой. Только это еще не конец для тебя. Завтра придешь ко мне снова, а я за это время придумаю, как мне все же тебя нака- зать. Преступление не должно оставаться без наказания. И еще – вот тут подпиши мне подпис- ку о невыезде.

01.06.-18.07.2021

